

## **Павел Брычков**

### **Заговор, которого не было Официальная версия 1933 года**

В архиве УФСБ по Омской области хранится дело под № ОУ-5700 о белогвардейско-казачьем заговоре 1930-1933 гг. Состоит дело из 31 тома и открывается обвинительным заключением, на титульном листе которого значится: «Полномочное Представительство ОГПУ по ЗапСибкраю. Омский оперативный сектор. Сов. Секретно. Обвинительное заключение по делу ОУ-№ 3380 контрреволюционной белогвардейско-казачьей организации, ликвидированной на территории бывшего Омского округа. Омск. 1933 май». Ознакомимся с ним, не отрываясь далеко от текста.

«Омским Оперативным Сектором ОГПУ вскрыта и ликвидирована контрреволюционная белогвардейско-казачья повстанческая организация, проводившая подготовку к свержению Соввласти путем вооруженного восстания.

Указанная организация имела широко разветвленную сеть к.-р. ячеек в гор. Омске и Черлакском, Любинском, Тевризском, Н-Колосовском районе б. Омского округа, охватывая ими 26 населенных пунктов.

Руководство к.-р. Организацией осуществлялось Омским к.-р. Центром, в состав которого входили: б.б. (бывший белый. – *П. Б.*) полковник Генерального штаба Шайтанов В. Е., колчаковские полковники: Подкорытов А. А., Сорокин Д. Д., Матьянов Н. К., Тиволович В. Я. и б.б. капитан Оттэ Н. Э.

#### **История возникновения к.-р. организации**

Следствием установлено, что в середине 1930 года б. полковник генштаба Шайтанов В. Е. встретился в гор. Омске с нелегально прибывшим в СССР из Харбина б.б. штабс-капитаном Ридзелем, который, ссылаясь на поручение атамана Семенова, указал Шайтанову на необходимость развертывания к.-р. работы среди б.б. офицерства и казачества. Тогда же Ридзель договорился с Шайтановым о создании в гор. Омске белогвардейско-казачьей организации.

О своей встрече с Ридзелем полковник В. Е. Шайтанов показал: «...В середине 1930 года, месяца точно не помню, я встретил своего знакомого, б. штабс-капитан б/ Барнаульского полка – Ридзель, с которым я познакомился на Дальнем Востоке, куда он прибыл, имея намерение эмигрировать в Китай. Ридзеля я пригласил к себе на квартиру и разговорился с ним на тему о прошлой службе, о том, где он, Ридзель, сейчас находится, что делает и как себя чувствует.

Ридзель мне сообщил, что он находился долгое время в эмиграции, объехал ряд европейских стран, был также в Америке и последнее время проживал в Харбине. На мой вопрос – какие политические настроения существуют за границей? – Ридзель ответил, что война неизбежна. Япония упорно готовится к вооруженному столкновению с СССР, подготавливает к этому почву в Китае и внутренней Монголии, где стремится обеспечить свое господство, так как оттуда будут впоследствии развертываться агрессивные действия против Советского Союза.

Ридзель сообщил, что Япония мобилизует для активного выступления против Соввласти белую эмиграцию и, в частности, атаман Семенов находится в весьма хороших отношениях с Японией.

По словам Ридзеля, он виделся с атаманом Семеновым, будучи за границей, и лично знает, что белое офицерство за рубежом имеет свои организации и хорошо вооружено для того, чтобы побороться с Советами.

Я рассказал Ридзелю о невыносимо тяжелых условиях существования б.б. офицеров в России и о полном бесправии и произволе, который применяется в отношении бывших белых в СССР, и высказал желание с удовольствием выехать за границу.

На мое желание Ридзель ответил, что моя точка зрения совершенно неправильна, так как надо не бежать отсюда, а, наоборот, находиться здесь и организовывать население на борьбу против большевиков, указав на то, что даже из-за границы сейчас направляется много людей в

Россию, для того чтобы тут развернуть работу по объединению русских национальных элементов с целью борьбы против коммунистов. При этом Ридзель прервал (так в тексте, очевидно – перешел. – П. Б.) на секретный характер и сообщил, что он прибыл из-за границы недавно и не просто побывать в СССР, а со специальным заданием от атамана Семенова провести работу по созданию на территории СССР – на Д. Востоке, в Восточной и Западной Сибири, в частности, в б. Омском округе и на Алтае к.-р. организации, опираясь при этом б. белых офицеров и на казачество...»

И далее: «...После этого Ридзель предложил мне провести работу по подрыву, подборке надежных людей из числа б. белых для создания к.-р. организации с задачей вооруженного свержения Соввласти, порекомендовал мне обратить внимание на Прииртышское казачество, где имеются хорошие кадры на случай восстания.

Ридзель же сказал, что о времени активных действий я буду своевременно поставлен в известность и возможно, что еще увидимся лично. Я дал согласие на проведение работы по созданию организации, и мы договорились действовать».

Об этом же полковник Подкорытов А. А. показал: «...Шайтанов мне сообщил, что он имеет кое-какие связи с заграницей... (далее рассказ о встрече Шайтанова и Ридзеля. – П. Б.). В середине 1931 года полковник Шайтанов приступил к созданию в г. Омске к.-р. организации, завербовав в нее б.б. полковников Сорокина Д. Д., Матьянова и Тиволовича, впоследствии образовавших руководящий центр к.-р. организации.

По этому вопросу Шайтанов В. Е. показал: «Возникновение организации относится ко второй половине 1931 года. Встречаясь со своими знакомыми, б. белыми офицерами, полковником Сорокиным Дмитрием Дмитриевичем, б. подполковником Матьяновым и б. подполковником Голышевым, я неоднократно вел с ними разговоры на политические темы, явно к.-р. характера...

Не имея перед собой никаких перспектив улучшения своего положения, мы приходили к выводу, что единственным выходом из создавшегося положения может быть только активная борьба за изменение существующего строя, так как причиной переживаемых нами лишений является Соввласть.

Учитывая подобные настроения, и все они были не единичными среди белого офицерства, и будучи враждебно настроенным по отношению к Соввласти, я решил вести практическую работу по созданию к.-р. организации, с целью подготовки вооруженного свержения Соввласти».

И далее:

«... В июле месяце 1931 года я переговорил о своих намерениях с б. белыми офицерами полковником Сорокиным Д. Д. и Матьяновым Н. К., которые полностью присоединились к моим предложениям о необходимости создания к.-р. организации... Вскоре после этого я договорился с б. полковником Тиволовичем...»

(Далее приводятся показания Сорокина и Матьянова, которые подтверждают факт встречи с Подкорытовым и Шайтановым в июле-августе 1931 года и согласия создания организации. – П. Б.)

Таким образом, создав Центр к.-р. организации, Шайтанов, Сорокин, Матьянов и Тиволович приступили к активной вербовке в к.-р. организацию б.б. офицерства, насаждению в гор. Омске к.-р. ячеек, а также установлению связей с казачеством и к.-р. элементом в деревне.

### **Развертывание работы среди казачества, установление связей с к.-р. повстанческим подпольем в Тевризском и Н-Колосовском районах**

В июле 1931 года член Омского к.-р. Центра Шайтанов завербовал в к.-р. организацию б.б. казачьего офицера Назарова М. Д., которому предложил приступить к созданию к.-р. организации среди Прииртышского казачества.

Выполняя поручение Шайтанова, Назаров установил связь с бывшим казаком Захаровым А. Ф., договорился с ним о развертывании практической работы по созданию к.-р. организации среди казачества и вербовке повстанческих кадров.

Об этом Шайтанов показал: «...В конце июля 1931 года я встретил своего хорошего знакомого, б. казака, старшего адъютанта казачьего войска Сибири при Колчаке, казачьего сотника Назарова, с которым завел разговор о текущей политической жизни и о тяжелом положении казачества, указывал на то, что всему виной Соввласть, лишившая казачество привилегий, которыми оно пользовалось раньше...»

(Назаров согласился и сказал, что знает через знакомого казака Захарова о недовольстве и что в станице Щучье б. первого отдела Сибирского казачьего войска уже имеется к.-р. организация и что он приехал специально посоветоваться с авторитетным лицом. Шайтанов посоветовал без его ведома активных действий не предпринимать.

Далее идут выдержки из показаний Сорокина и Матьянова, подтверждающих сведения о вербовке Назарова и готовности казаков выступить с оружием в руках. – П. Б.)

Об этом же б. казак Захаров А. Ф. показал: «...В августе 1931 года в процессе разговора Назаров рассказал о встрече с Шайтановым и предложил поехать в Черлак и привлечь к созданию к.-р. организации брата – учителя Захарова Ивана Федоровича, который пользовался уважением среди казаков. К 1932 году созданы ячейки в Б-Атмасы, Татарке, Елизаветинке и др.».

Установив связь с казачеством, руководящий к.-р. Центр поручил члену Центра полковнику Сорокину Д. Д. нащупать и установить связь с деревенским к.-р. элементом.

В начале 1932 года удалось Сорокину связаться с руководителем к.-р. организации, существовавшей в Тевризском районе Топорищевым Ив. Ив., а в июле 1932 года через завербованного в к.-р. организацию б. б. офицера Исаева Т. П. Сорокин установил связь с к.-р. организацией, существовавшей в Н-Колосовском районе. С указанными к.-р. организациями Сорокин договорился о подчинении их Омскому к.-р. Центру и о взаимных к.-р. действиях.

Об установившейся договоренности с руководителями Тевризской к.-р. организации Сорокин показал: «...Топорищев сказал, что такая к.-р. организация у них уже есть, начиная с 1930 г. Позднее узнал о существовании другой организации, которую создал ссыльный сын генерала, капитан Бурков. Узнал об этом от ссыльного б.б. офицера Александровича. На мой вопрос: «Есть ли у вас оружие?» Топорищев ответил, что пока у них есть оружие, только около 50 единиц.

Топорищев об этом показал: «...В начале 1932 года я, будучи в гор. Омске случайно встретился с моим хорошим знакомым б.б. офицером Сорокиным Д. Д. <...> Я первое время не решался сообщить ему о нашей организации, боясь провала, но потом пришел к заключению, что Сорокин предавать нас не будет и сообщил ему, что у нас есть такая организация <...> Через 2-3 дня я выехал из гор. Омска и, возвратившись в с. Утму, о разговоре с Сорокиным передал Петрову А. П., который этим остался доволен и заявил, что так будет лучше, потому что там люди грамотные, умные и им видней, что и как делать».

(Данные сведения подтвердили руководители ячеек Тевризской организации Соколовский и Попков. – П. Б.)

Об установлении связи с Н-Колосовской к.-р. организацией и подчинении ее Омскому к.-р. Центру полковник Сорокин Д. Д. показал: «Через б.б. офицера Исаева Тихона Михайловича, который в августе сообщил, что удалось создать к.-р. организацию через знакомого Репина Василия Дорофеевича в дер. Владимировке Н.-Колосовского района. По его словам, членов организации в Н-Колосовском районе более 20 чел.

Руководитель Н-Колосовской к.-р. организации Репин В. Д. показал:

«... В 1932 году, в августе месяце, будучи в Омске, я встретился со знакомым, б.б. офицером Исаевым Тихоном Ивановичем. Последний происходит из Н-Колосовского р-на с. Крайчиково, где до прихода Соввласти имел крупные торговые предприятия.

Узнав об отрицательном отношении крестьян, Исаев сказал: «Это вполне понятно, Соввласть поработала крестьянство, грабит их хозяйство, загоняет насильно в колхозы, в которых заставляет бесплатно работать на государство. Такая политика проводится не только в отношении крестьян. Так же еще в большей степени угнетается интеллигенция и остальное население страны. Нужно недовольство населения властью использовать и направить его на

борьбу против власти. Вам, как жившему среди крестьян, надо взяться за сколачивание крестьянской организации, которая бы проводила работу по подготовке людей для выступления в нужный момент против власти... На мои слова, что «у нас ядро такой организации уже имеется, которым ведется уже определенная а/с работа, но нет руководителей, которые бы знали военное дело», Исаев был весьма обрадован...»

### **Подчинение Омского филиала Краевому руководящему Центру к.-р. белогвардейского заговора**

В начале января 1930 года Омский к.-р. Центр установил связи с Краевым руководящим Центром к.-р. белогвардейского заговора и подчинил всю свою практическую деятельность по подготовке восстания руководству этого к.-р. Центра.

Увязка произошла через бывшего полковника Подкорытова, проживающего в гор. Омске, который будучи вовлечен в к.-р. организацию б. полковником Булатовым, активным членом Новосибирского филиала к.-р. белогвардейского заговора, получил от него задание на создание в гор. Омске широкой к.-р. повстанческой белогвардейской организации.

По этому вопросу б. полковник Подкорытов показывает: «...Вербуя меня в к.-р. организацию, Булатов мне сообщил, что имеет поручение Краевого центра (переданное ему полковником Бутенко) нащупать связи и развернуть в гор. Омске и в районе б. Омского округа работу по созданию к.-р. повстанческой организации»

Выполняя задание Булатова по вербовке членов в к.-р. организацию, Подкорытов встретился с бывшим полковником ген. штаба Шайтановым, который в процессе разговора на политические к.-р. темы сообщил Подкорытову о наличии в гор. Омске крупной к.-р. организации...

Получив информацию об Омской к.-р. организации, Подкорытов сообщил Шайтанову о существовании краевой к.-р. организации, возглавляемой авторитетным к.-р. Центром во главе с б. генералом Болдыревым и полковником Бутенко...

Об этом Подкорытов показал: «...Услышав фамилии полковника Бутенко и генерала Болдырева, Шайтанов заявил, что если такие дубы, как Харитон Ефимович, которого я хорошо знаю по Дальнему Востоку, и генерал Болдырев взяли за дело объединения русского офицерства, за освобождение России от ига большевиков, то я глубоко верю в успех и конечную победу этого дела и могу смело сказать, что те усилия, которые нами будут положены на создание к.-р. организации и великий риск своей жизнью, – не будут напрасными...»

(О подчинении Омской организации Краевому Центру, возглавляемому генералом Болдыревым, сообщают в показаниях также п-ки Шайтанов, Тиволович и Сорокин. – П. Б.)

### **Структура организации**

Построена по принципу «боевых ячеек». Член ячейки знает только руководителя ячейки, связанного с руководящим центром, что в случае провала одной ячейки, сохраняются остальные.

(На л.л. 24, 25, 26 – звания и фамилии командиров ячеек с численностью последних. – П.Б.)

Таким образом, Омский филиал к.-р. белогвардейского заговора состоял из 52 ячеек с общим количеством в них 408 чел. (привлечено – 352 чел.)

Справка: в цифру привлеченных руководители ячеек не входят.

### **Программно-политические установки к.-р. организации**

Основной своей политической задачей к.-р. организация ставила свержение существующего строя и восстановление буржуазно-демократической республики.

По этому вопросу член Омского белогвардейского Центра полковник Подкорытов показал:

«...Программно-политические установки таковы: формой государственной власти организация считает буржуазно-демократическую республику, но на первое время, пока не

окрепнет власть, устанавливается военная диктатура, опирающаяся на демократические элементы.

Считаем возможным как форму сохранить Советы, но решительным образом изгнать из них коммунистов и расширить круг избирателей, восстановить в правах те категории населения, которые были лишены избирательных прав при Соввласти.

Коммунистическая партия подвергается разгрому. Отдельные коммунисты, признавшие вредность коммунистических идей, на деле показавшие свой отход от коммунизма, могут быть использованы организацией и даже легализованы.

На мой вопрос об отношении к деревне Булатов сказал, что организация стоит на точке зрения ликвидации всех принудительно созданных колхозов и объявления свободных форм ведения сельского хозяйства. МТС ликвидируются полностью, и весь тракторный парк передается сельским обществам.

Всевозможные заготовки, проводимые Соввластью, отменяются. Государство заготовки производит на свободном частном рынке по существующим общим конъюнктурным ценам. Крупная промышленность и транспорт остаются в руках государства.

В области внешней политики, по словам Булатова, к.-р. организация считала необходимым заменить монополию обычной таможенной политикой, значительно сократить экспорт товаров и насытить ими внутренний рынок...»

«...К.-р. казачья организация с политическими установками к.-р. белогвардейской организации не соглашалась и выдвигала свои установки, беря ставку на восстановление монархического строя и атаманщины.

Свое согласие на подчинение Краевому Центру казачья к.-р. организация дала, учитывая лишь целесообразность совместных действий в вопросе свержения Соввласти»

(О том же показали Шайтанов, Тиволович, Матьянов, Назаров и братья Захаровы. В частности, Захаров А. Ф. говорил: «Когда мы, казаки, были самостоятельной войсковой единицей, несли охранную службу, пользовались почетом, привилегиями от царского правительства в виде хороших земельных участков, освобождались от податей и жили припеваючи, а теперь всего этого нас Соввласть лишила...» – П. Б.)

### **Тактические установки к.-р. организации. План восстания**

#### **а) сроки восстания**

Из показаний Подкорытова:

«...Сроком восстания, наиболее подходящим, является начало войны Японии против Совсоюза... Булатов сообщил, что к.-р. организация ставит в задачу в самом начале войны повстанческими действиями нанести удар в тылу, чтобы дезорганизовать мобилизационную перестройку страны, отвлечь на тыл внимание правительства и показать этим неблагоприятное внутри страны и дать сигнал интервентам к наступлению на Советский Союз».

(То же показал Шайтанов)

#### **б) план восстания**

Из показаний Подкорытова:

«...На мой вопрос о конкретных мероприятиях по поднятию восстания Булатов сказал: «Когда получится извещение Краевого руководящего центра о выступлении, все члены руководящей группы связываются с руководителями боевых ячеек и дают распоряжение о практических действиях. Боевые ячейки производят налеты на милицию, Осоавиахим, захватывают там оружие и, вооружась сначала этим оружием и оружием, имеющимся у членов организации, уничтожают советский актив, коммунистов и захватывают власть в свои руки».

Дальше Булатов дал указания, что в восставших районах взамен свергнутой Соввласти должно создавать «комитеты борьбы», которые принимают на себя всю полноту власти и осуществляют руководство восстанием...»

(То же показали Шайтанов, Матьянов, Тиволович, Назаров, братья Захаровы. Шайтанов добавил, что для привлечения крестьян должны были использоваться лозунги: «Долой войну, не

хотим воевать, долой коммунистов, защитников войны!», «Да здравствует Советская власть без коммунистов!», «Долой заготовки в деревне, долой голодный паек в городе, да здравствует свободная торговля!», «Долой колхозы и совхозы, да здравствует свободный труд!» – П. Б.)

### **Практическая деятельность к.-р. организации**

Практическая деятельность производилась по следующим основным направлениям:

- 1) насаждение боевых к.-р. повстанческих ячеек;
- 2) организация подрывной и вредительской деятельности в колхозах;
- 3) организация хозполиткампаний;
- 4) вредительство в постановке учебного дела путем:
  - а) умышленного вредительства в подготовке кадров учащихся;
  - б) протаскивания в процессе преподавания чуждой идеологии и игнорирование советских учебников;
  - в) несвоевременный выпуск студентов и затирание рабочей части студенчества;
  - г) срыва занятий;
- 5) работы по изысканию оружия для повстанческих целей.

### **Вербовка повстанческих кадров**

Лично Шайтановым завербованы Катанаев Д. – б. подьесаул казачьего войска, Назарова М. В. и др. Назаров завербовал Захарова А. Ф., Блохина В., Фролова, Грачева, Тычинского... Тычинский завербовал Набокова и т. д.

### **Вредительская деятельность в колхозах**

...В результате подрывной деятельности к.-р. организации только на территории Черлакского района по справкам с/советов и колхозов расхищено, вредительски забито, пало колхозного скота 2247 голов, в том числе лошадей – 402 головы, коров – 200, телят – 717, овец – 821, свиней – 107. Осталось неубранными урожая разных культур 322 га, расхищено 343 центнера пшеницы и картофеля и 218 центнеров сена.

Общий убыток, принесенный вредительской деятельностью к.-р. организацией колхозам Черлакского р-на, выражается по твердым государственным ценам в сумме 145 021 р. и Тевризском р-не на сумму 171 732 р., а всего на сумму 366 853 руб.

Член к-р ячейки с. Кип Тевризского района Страхов Василий показывает:

- 1) затыгивал ремонт инвентаря;
- 2) некачественно пахал так, что приходилось перепахивать;
- 3) работая сеяльщиком, уменьшал норму посева вдвое, остальное – присваивал.

Член к-р. ячейки с. Татарка Черлакского р-на к-з им. Калинина Петлин Н. П. показывает: «... В результате умышленного несвоевременного лечения и плохого надзора я уничтожил около 50 лошадей».

Член Уражской к.-р. ячейки Тевризского р-на Попов Николай дал следующие показания:

«... За время пребывания в колхозе я совершил следующие вредительские акты:

- 1) работая пахарем, старался быстрее измучить лошадей, пахал очень мелко;
- 2) работая конюхом, я сознательно доводил лошадей до такого состояния, что из 20-ти порученных мне 8 совершенно не могли работать. По моей вине пало 2 лошади;
- 3) работая машинистом полусложной молотилки, я в январе 1933 года вместе со снопом сунул в барабан половину кирпича, вследствие чего молотилка вышла из строя на 5 дней.

В отдельных случаях члены к.-р. повстанческой организации как метод вредительства и нанесения ущерба колхозам применяли поджог колхозного имущества.

### **Практическая деятельность по изысканию оружия**

Поставив перед собой задачу – подготовку вооруженного восстания, участники к.-р. заговора практически ставили вопрос о приобретении оружия.

При аресте участников к.-р. организации было изъято 81 единица оружия: боевых винтовок военного образца – 6 шт., охотничьих винтовок – 18, охотничьих ружей – 55 и револьверов – 2 шт.

(Далее показания Шайтанова и др. о методах добывания оружия: налеты на милицию, ОСО, воинские эшелоны... – П.Б.)

Наряду с этим Омским руководящим к.-р. Центром поднимался вопрос об использовании имеющихся в распоряжении ГорОСО двух пулеметов в момент восстания. С этой целью член Центра Шайтанов договорился с членом к.-р. организации б. штабс-капитаном Озолиным – начальником штаба боевой подготовки ОСО о передаче в момент вооруженного восстания имеющихся в ОСО пулеметов системы «ШОША».

### **На основании вышеизложенного обвиняются:**

1) Шайтанов Владимир Евгеньевич, 2) Подкорытов Аполлон Аполлонович, 3) Сорокин Дмитрий Дмитриевич, 4) Матьянов Михаил Иванович, 5) Тиволович Владимир Яковлевич, 6) Оттэ Николай Эмильевич.

Обвиняются в том, что являлись инициаторами и непосредственными организаторами Омского филиала к.-р. белогвардейского казачьего заговора ЗСК, проводили широкую работу по созданию к.-р. повстанческого подполья путем насаждения сети к.-р. повстанческих ячеек в гор. Омске среди б/б офицеров и вербовки участников в эти ячейки, являлись инициаторами создания к.-р. повстанческого подполья среди прииртышского казачества, среди крестьянства Тевризского и Н-Колосовского р-нов идейно и практически руководили подготовкой вооруженного восстания и к.-р. подрывной вредительской деятельности на территории б. Омского округа. В процессе практической деятельности по подготовке восстания установили связь и вошли в подчинение краевого руководящего Центра к.-р. белогвардейского заговора в ЗСК, то есть в преступлении, предусмотренном ст.58 п.п. 2, 11 УК

(Далее перечисляются 26 фамилий руководителей ячеек, которые также обвиняются по ст. 58 п.п. 2, 11. – П.Б.)

1) Назаров Михаил Денисович, 2) Набоков Михаил Михайлович, 3) Захаров Александр Федорович.

Обвиняются в том, что являлись руководителями и организаторами повстанческого подполья среди прииртышского казачества, насадив сеть боевых к.-р. ячеек в прииртышских казачьих станицах с общим числом 208 участников.

Руководители к.-р. ячеек в колхозах являлись организаторами к.-р. кулацкого саботажа выполнения внутриколхозных мероприятий и хозяйственных политических кампаний, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.п. 2, 11.

(Далее перечислены руководители ячеек, 30 человек, обвиняемых по ст. 58 п.п. 2, 11, 7. – П. Б.)

### **Материалы в отношении всех вышеперечисленных лиц выделены и направлены на рассмотрение Особого Совещания при комиссии ОГПУ**

1. Щегловитов Петр Васильевич, 1883 г. р., уроженец г. Острожка, русский, СССР, в белой армии служил чиновником особых поручений, образование ниже-среднее, женат, трое детей, б/п, не судим. До ареста служил зав. базой КОКТ, проживал в г. Омске Комсомольская ул., 45. Виновным себя признал.

(Далее на лл. 59-105 список обвиняемых. – П. Б.)

Обвиняются в том, что состояли членами к.-р. повстанческой организации, подготовлявшей вооруженное восстание в целях свержения соввласти, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 пп. 11 и 2 УК, а посему, —

**ПОЛАГАЛ БЫ:**

**на основании приказа ОГПУ настоящее дело по обвинению 288 человек представить на внесудебное рассмотрение Тройки при ПП ОГПУ по ЗСК**

Начальник особого отдела

Начальник СПО

(Шамарин)

(Мартон)

Верно: Оперуполномоченный ОО ОС (Егоров)».

## **Официальное расследование 1956 года, или Как это было**

Итак, из обвинительного заключения перед нами предстает заговор с весьма разветвленной сетью участников, из которых 352 человека были арестованы и проходили по данному делу. В его реальности как бы нет оснований сомневаться. Ведь еще живы большинство участников Гражданской войны, еще горячи в памяти ее страшные картины, от Ишимского восстания 1921 года отделяет чуть больше 10 лет, а Муромцевское восстание 1930 года только-только подавлено. Недавно завершилась коллективизация, и недовольных ею было достаточно, особенно в Сибири. Так что заговор мог вполне быть. Да и три десятка томов, состоящих из протоколов допроса, очных ставок, с признаниями и непризнаниями в участии в белогвардейско-казацком заговоре, с различными справками и прочими официальными документами следственной бюрократии являются весомым аргументом его реальности.

И лишь когда начинаешь вчитываться в документы, в глаза бросаются моменты, которые вызывают недоумение и желание разобраться, что же тогда было на самом деле. Например, на титульном листе обвинительного заключения стоит май 1933 г., судьбы всех уже распределены, а по протоколам видно, что в мае всюду идут еще допросы участников заговора. Поражает однообразие в формулировках признаний и явные хронологические нестыковки. Даже руководителей Центра называют то полковниками, то подполковниками... Но исследователю не суждено здесь открытие истины. Следственные органы сделали это сами.

Произошло это в 1956 году, когда подул ветер перемен. Хотя прошло уже двадцать три года, оставшиеся в живых участники событий добивались справедливости и забрасывали официальные органы, вплоть до Верховного Совета, жалобами и просьбами о пересмотре дела.

Занимался изучением дела лейтенант госбезопасности Быстров. Он нашел и допросил 33 человека, которые проходили по делу и отбыли различные сроки в лагерях. Вот что он, в частности, написал в своем «**Заключении**» от 18 марта 1957 года:

«Я, следователь следственного отдела Управления КГБ при Совете Министров Союза ССР по Омской области лейтенант Быстров, рассмотрев архивно-следственное дело № 206332 и материалы проверки по нему, — нашел:

В 1932-33 годах Омским Оперативным Сектором ОГПУ были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по настоящему делу:

1. Щегловитов Петр Васильевич

.....

288. Князев Ипполит Семенович»

Далее он пишет об истории создания организации и о том, что из 288 человек виновными себя признали 264.

Внимательный глаз Быстрова заметил то же, что заметили и мы: «Протоколы допроса абсолютного большинства арестованных написаны трафаретно, неубедительно и с наличием существенных противоречий. Показания в части вредительской и антисоветской агитации проверке не подвергались и другими объективными доказательствами не подтверждались...



Материалы на всех руководящих членов повстанческой организации из дела были выделены и направлены в Новосибирск для приобщения к находившемуся там в производстве следственному делу (арх. № 593376) по обвинению Болдырева, Бутенко и других руководящих участников повстанческой организации».

Приводит лейтенант Быстров и примеры явных нестыковок и противоречий.

«Так, в протоколе допроса Ридзеля от 14 февраля 1936 года (так в тексте, вероятно Ридзель был арестован позднее. — П. Б.) записано: «В бытность мою в Харбине, я среди белоэмигрантов весьма часто слышал об этом Шайтанове... По приезде в Омск в 1927 году, я наводил о Шайтанове справки... Могу сказать твердо, что первая встреча произошла или на квартире Симонова или в ресторане у моста через Омь. Больше вероятности, что эта встреча произошла у Симонова...»

Шайтанов же 10.05.1933 г. показал: «В середине 1930 года, месяц точно не помню, я встретил своего знакомого, бывшего штабс-капитана Ридзеля... Ридзеля я пригласил к себе на квартиру и разговаривал с ним о прошлой службе...»

Сам Ридзель при допросах на предварительном следствии показывал, что имел звание подпоручика и в белой армии не служил. Фамилия атамана Семенова в его показаниях не упоминается.

В процессе предварительного следствия по делу Ридзеля были допрошены в качестве свидетелей супруги Симоновы. Эти свидетели показали, что Ридзель действительно проживал у них в течение 4—5 суток, но это было летом 1927 года, причем Шайтанов у них на квартире не был».

Еще одна несуразность, на которую обратил внимание лейтенант Быстров: «Если учесть, что Подкорытов был арестован и привлечен к уголовной ответственности по настоящему делу 25 февраля 1933 года, т. е. немногим более чем через месяц после установления связи с Шайтановым, то становится сомнительным, что он в такой короткий срок сумел лично сам завербовать в организацию Медведева, Кудрявцева, Веришко и Оттэ, которые в свою очередь также завербовали ряд лиц, ставших затем руководителями повстанческих ячеек».

И главное: «Из числа арестованных и осужденных было установлено и передопрошено 33 человека. Все передопрошенные заявили, что показания, которые они давали на предварительном следствии, не отвечают правде и что эти показания они подписали тогда в силу нарушения следователями социалистической законности»...

*«На основании изложенного полагал бы:*

*Решение Тройки Полномочного Представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому Краю от 17 мая 1933 года в отношении всех осужденных по настоящему делу, за исключением Растрепенина И. Н. и Грибановского Д. П., пересмотреть на предмет отмены его и прекращения дела по признакам п. 5 ст. 4 УПК РСФСР.*

*В отношении Растрепенина И. Н. и Грибановского Д. П. предъявленное им обвинение переквалифицировать со ст. 58-2-11 УК РСФСР на ст. 58-4 УК РСФСР и определенную Тройкой ПП ОГПУ меру наказания считать правильной.*

*Следователь спецотдела УКГБ лейтенант Быстров*

*Согласен: Начальник спецотдела полковник Ильин»*

Что же рассказали живые свидетели о том деле? Послушаем их.

**Жебицкий Федор Александрович.** Арестован 2 мая 1933 г., освобожден 24 марта 1944 г. Допрошен в Воркуте 4 декабря 1956 года в возрасте 57 лет. До этого написал 6 жалоб в разные инстанции вплоть до Генерального прокурора.

**Вопрос:** На допросе 5 мая 1933 года Вы показали, что состояли в контрреволюционной белогвардейской организации в гор. Омске, в которую были завербованы в начале 1933 года Родионовым Александром Алесандровичем, подтверждаете ли Вы эти показания в настоящее время?

**Ответ:** Данные мною показания 5 мая 1933 года я не подтверждаю. Эти показания я подписал, не читая протокола, в силу того, что следователь уговорил меня подписать эти показания, сказав мне, что эти показания я должен подписать для пользы дела, пообещав мне, что меня не будут привлекать к ответственности. Однако сам ни в какой контрреволюционной организации не состоял и не знал о ее существовании. Родионова я знал по службе в Красной Армии в 1921-22 годах, после чего он жил в Омске, но близких взаимоотношений с ним никогда не имел, а в 1933 году вообще ни разу не встречал. Поэтому он меня не мог завербовать в указанную организацию.

**Вопрос:** Применялись ли к Вам во время следствия в 1933 году меры физического воздействия на допросах?

**Ответ:** На допросах мер физического воздействия ко мне не применялось, однако следователь уговаривал меня подписать написанные им протоколы допроса, а также угрожал мне в случае, если я не подпишу показаний, посадить в карцер. Кроме того, стучал по столу револьвером и заявил, что если я даже и не подпишу «показания», которые он написал, это не будет играть никакой роли в дальнейшей моей судьбе. В силу этого я и подписал два или три протокола допроса.

**Вопрос:** Что еще можете дополнить к своим показаниям?

**Ответ:** Хочу дополнить, протоколы моего допроса следователь мне читать в руки не давал, а зачитал их сам, при этом опуская некоторые детали, записанные в протоколе, после чего, держа в руках конец протокола и указав место подписи, требовал подписать. Что я и делал, будучи в сильно нервном состоянии. И допросы велись в ночное время.

А вот, что рассказал 10 октября 1956 года **Лукиных Николай Сысоевич**, 1892 г. р.

«Меня арестовали утром 9 мая 1933 года. На допрос вызвали примерно через две недели, точную дату сейчас указать затрудняюсь. Допрашивал меня, как мне помнится, следователь Панасенко, причем при допросе меня Панасенко также допрашивал Гаринова Ивана Михайловича, т. е. вел допрос сразу нас двоих.

Следствию я тогда показаний не дал. Вызвавший меня и Гаринова следователь Панасенко задал нам один вопрос: «Советские ли мы люди?» и, получив утвердительный ответ, сказал: «В этом случае, пишите мне то, что я вам буду диктовать». И под его диктовку и был составлен протокол допроса. Здесь я могу отметить одну деталь, что когда меня арестовали и привезли на машине в здание ОГПУ и поместили в камеру, то там было примерно человек 30 заключенных. Когда я зашел, то один из заключенных некто Мельник Василий Петрович, бывший главный бухгалтер системы Омского промсоюза, по работе в котором я его и знаю, сказал мне: «Ты знаешь, Николай, как ты попал сюда?» и, получив отрицательный ответ, заявил, что он ждет меня уже четвертый день, ибо показал на следствии, что завербовал меня. Я сказал ему, что он беспринципный и нечестный человек, как он мог показать следствию то, чего в жизни никогда не было. На это Мельник сказал мне, что он принужден был дать такие показания, ибо его посадили в какой-то сырой подвал и требовали признать, что им якобы была создана контрреволюционная организация, в которую было завербовано пять человек. По словам Мельника, с целью избавиться от мучений, он хотел совершить самоубийство повеситься, но в камере не было веревки, а когда он хотел повеситься на рукаве рубашки, то из этого ничего не вышло...

Протокол допроса мною подписан в силу следующих причин: во-первых, следователь Панасенко, допрашивавший меня, говорил, что если я советский человек, то должен писать показания, которые он диктует, во-вторых, я до момента ареста был секретным сотрудником ОГПУ, поэтому был уверен, что меня если и арестовали, то никогда не осудят, тем более, что я сам выполнял задания органов ОГПУ по выявлению контрреволюционно настроенных лиц. В силу этого я подписал протокол и рекомендовал подписать его Гаринову. Высказываний от Мельника и Гаринова против существующего строя мне слышать не приходилось».

Вот как объяснил появление своей подписи под протоколом допроса бывший преподаватель Омской совпартшколы **Шевко Федор Михайлович**, отсидевший 10 лет в лагерях.

«Арестован я был 27 апреля 1933 года. На следующий день, к вечеру, примерно в 6-7 часов, я был вызван на допрос к Панасенко Владимиру Ивановичу. Последнего я хорошо знал как студента 5 курса мединститута и преподавателя рабфака, в котором до ареста я работал заведующим учебной частью. Незадолго до моего ареста Панасенко был взят на работу в Омский Оперсектор ОГПУ. Панасенко встретил меня любезно и сказал, что я арестован в целях внесения ясности в контрреволюционную деятельность Оттэ и других лиц. На что я ему сказал, что мне о контрреволюционной деятельности Оттэ ничего неизвестно. Тогда Панасенко спросил у меня, был ли я на вечере 6 ноября 1932 года у преподавателя рабфака Диброва, имя и отчество его не помню. Я сказал Панасенко, что был на этом вечере, где кроме меня были Оттэ, Кузнецов Семен, отчество не помню, и другие преподаватели рабфака, фамилии их сейчас не помню. Разговоров антисоветского содержания ни от кого из присутствующих я не слышал. Панасенко предложил мне дать показания, что я был на вечере у Диброва не в ноябре, а в феврале или в марте 1933 года и что на вечере были антисоветские разговоры. Дать такие показания я категорически отказался.

Тогда Панасенко отправил меня обратно в камеру, предлагая хорошо подумать об обстоятельствах проведения вечера у Диброва, пообещав меня вызвать через день. При этом он просил меня помочь ему раскрыть дело о контрреволюционной организации, якобы существующей в городе Омске. Панасенко обещал при этом меня освободить и полностью реабилитировать, чтобы я, по его словам, «не увяз в этой паутине».

Вторично Панасенко вызвал меня на допрос примерно 30 апреля 1933 года. На этом допросе он мне вторично предложил дать показания о якобы имевших место антисоветских разговорах на вечере у Диброва. Дать такие показания я категорически отказался. Тогда Панасенко, выразив сожаление по поводу моего отказа дать такие показания, начал заполнять бланк протокола допроса. После заполнения анкетной части протокола допроса он записал мои показания в отношении вечера у Диброва и лицах, участвовавших на этом вечере. После этого он прочел протокол допроса и предложил мне расписаться на нем. При этом сказал мне, чтобы в конце показаний подпись я поместил несколько ниже текста, оставив 6—8 строк. Когда я у него спросил, для какой цели это нужно делать, он ответил, что в этом месте протокол оставляется чистым для оформления его начальством. Видя, что я сомневаюсь в правдивости его пояснения, Панасенко — заверил меня, что бояться нечего, что он как хороший мой знакомый и бывший сослуживец по рабфаку, никогда мне плохого не сделает. Поверив объяснению Панасенко, я подписал протокол допроса и оставил в конце его, как это просил Панасенко примерно 5—6 строк протокола допроса, после которых стояла моя подпись.

В первых числах мая 1933 года я был вызван к сотруднику ОГПУ Попову, который приехал из гор. Новосибирска. Тут мне хочется отметить одно обстоятельство. Примерно дня два или три назад перед моим допросом по камерам внутренней тюрьмы делали обход, насколько мне помнится, два или три сотрудника ОГПУ, один из которых и был Попов. Имел он ромб на петлицах и рекомендовался сотрудником ОГПУ Запсибкрая. Всем арестованным, находящимся в камерах, он говорил, что органам ОГПУ известно, что все арестованные являются участниками контрреволюционной организации, при этом говорил, что лица, признающие предъявленное обвинение, будут осуждены на незначительные сроки наказания и будут отправлены на работы сроком на 3—5 лет. Всем же, кто не признает свою вину в участии в контрреволюционной организации, Попов угрожал расстрелом.

Первыми словами, с которыми ко мне обратился Попов, были: «Вы состояли в контрреволюционной организации, дайте показания об этой организации». Я сказал Попову, что членом контрреволюционной организации никогда не состоял и о существовании ее мне ничего неизвестно. На это Попов мне заявил, что о том, что я член контрреволюционной организации, ему видно из протокола моего допроса, и предложил мне прочесть его. Этот протокол допроса был тем самым, который был написан Панасенко 30 апреля 1933 года. Но в оставленном свободном месте, то есть в незаполненных строках было написано: «Встав на путь

чистосердечного признания, считаю себя виновным в том, что состоял членом контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение Советской власти». Тогда я объяснил Попову, как произошло, что под данными словами находится моя подпись. Попов возмутился, сказал, что Панасенко не умеет вести следствие и что понесет ответственность за неправильное оформление протокола допроса. Далее Попов предложил дать показания о том, что я являюсь членом контрреволюционной организации. Когда я отказался дать такие показания, Попов стал кричать на меня, всячески словесно оскорблять. Если я не дам показания об участии в контрреволюционной организации, я буду расстрелян, сказал Попов. При этом он обнажил пистолет и говорил мне, что «тебя, белогвардейская сволочь, мы расстреляем и расстреляем твою мать». Вследствие всех этих угроз и подавленного морального состояния, так как допрос в такой форме длился примерно часов 5—7 подряд, я вынужден был под диктовку Попова и написать, вернее, заполнить протокол допроса, в котором ложно оговаривал себя как члена контрреволюционной организации, в которую якобы был завербован Оттэ, а также дал показания о вербовке мною Лукина, Песковского, Петрова и Иракманова. Данные показания я дал вследствие грубого принуждения со стороны допрашивавшего меня сотрудника ОГПУ Попова. При этом допросе в качестве следователя, кроме Попова, был сотрудник ОГПУ с ромбом на петлицах, фамилия его, кажется, Коцерубо».

Много любопытного можно узнать из показаний 9 января 1957 года **Остапенко Андрея Семеновича**, получившего в 1933 г. 10 лет ИТЛ.

Он рассказал, что с марта по май 1933 года он вызывался на допрос 20—25 раз. Допрашивали его следователи Болотов, Панасенко, Елькин и еще двое сотрудников. Они требовали признать, что его завербовал в организацию Рутковский, и в конце концов добились своего. «Протокол очной ставки между мной и Рутковским я подписал в силу применения ко мне незаконных методов следствия со стороны сотрудника ОГПУ Елькина... Елькин угрожал расстрелом, а если подпишу, 5—10 лет ИТЛ. Запугивали меня расстрелом Болотов и Панасенко. Болотов даже рассказал, как расстреливают некоторых арестованных. По его словам, меня поведут в подвал, который имеется в ОГПУ. При этом сотрудник, который меня поведет, будет идти сзади и даст мне несколько выстрелов в затылок...

Помню, что однажды Болотов или Панасенко предложил мне список примерно 100 человек и просил указать фамилии завербованных. Я отказался, хотя знал, что давшие такие показания имели привилегии, питались в столовой ОГПУ, в любой день разрешались свидания и принимали передачи...

Кроме угрозы расстрела, повлиял на Остапенко еще сильно и такой случай: «...Когда меня вели на допрос к сотруднику Елькину, то в коридоре меня встретили двое арестованных, которые отрекомендовались как Шайтанов и Рутковский. Оба они мне заявили, почему я не хочу подписывать предложенный мне сотрудниками ОГПУ протокол допроса. Шайтанов сказал мне, что я «своим упорством задерживаю следствие, окончание дела, и из-за меня они сидят здесь». Также он мне сказал: «Мы все подписали, но ни в чем не виноваты». После этого я подписал протокол допроса.

В период следствия в камеру, где я находился, пришел заместитель полномочного представителя ОГПУ по Запсибкраю, фамилию его не помню. В беседе с нами он заявил: «Допустим, контрреволюционной организации в гор. Омске не существует, но если бы она была, то все арестованные были бы ее участниками». Это свое заявление он обосновал тем, что по делу в основном арестованы бывшие белые и царские офицеры и казачество прилегающих станиц.

На вопрос, не приходилось ли ему беседовать с арестованными по этому делу и признавали ли они себя виновными, Остапенко показал: «Мне приходилось разговаривать на эту тему со многими, но фамилии их сейчас не помню. Все они говорили, что обвиняются в участии в контрреволюционной организации и что подписали предложенные им протоколы допроса, хотя участниками организации никогда не были и о существовании ее им ничего неизвестно. Из лиц, которых я помню и с которыми я разговаривал, — это Родионов Александр Александрович и

Набоков Михаил Михайлович. Родионов находился со мной в одной камере и однажды, придя с допроса, рассказал, что он подписал предложенные ему протоколы допроса, в которых значилось, что он при перевороте, который организация совершит, захватит Госбанк, почту и телеграф. Когда я ему сказал, зачем он подписал такие показания, ведь это сплошной вымысел и абсурд, Родионов ответил, что весь измотался и ему теперь все равно, что требуют, он подписывает, лишь бы его не мучили допросами. Набоков Михаил Михайлович также находился со мной в одной камере. Однажды придя с допроса, он сказал, что подписал протокол допроса, в котором значится как вербовщик среди прииртышского русского казачества. Когда я спросил, имело ли место это в действительности, Набоков сказал, что, конечно, он никого не вербовал, а подписал протокол допроса в силу того, чтобы оградить себя от вызовов на допросы. По его словам, ему теперь было безразлично все, он подпишет любые показания.

Шайтанова, Рутковского и Набокова я до ареста не знал. Родионова я знал по омскому Осоавиахиму, где я работал в 1925—26 году бухгалтером, а Родионов как любитель-авиамodelист посещал Осоавиахим. Знакомство наше было случайное, ни я у него, ни он у меня на квартире не были...

К своим показаниям мне хочется добавить то, что я глубоко убежден, что никакой контрреволюционной организации в гор. Омске не было. С кем из числа арестованных по данному делу я ни разговаривал, все они в один голос заявляли, что о существовании контрреволюционной организации им ничего неизвестно.

Как я теперь припоминаю, однажды мне привелось разговаривать с арестованным по делу Подкорытовым Аполлоном Аполлоновичем. Знал я его еще до ареста, когда он работал секретарем промкомбината, где я был пайщиком. По разговорам, имевшим место среди арестованных, Подкорытов проходил как организатор контрреволюционной организации в гор. Омске. Встретив его в бане, я спросил у Подкорытова, правильно ли говорят, что он руководитель контрреволюционной организации. На что Подкорытов сказал, что разговоры соответствуют действительности, что его вызывали в Новосибирск, по его выражению, «для просветления мозгов» и он теперь все, что ему говорят, пишет или подписывает. Из разговора с ним я понял, что он хоть и значится организатором, но ему так же, как и мне, ничего неизвестно о существовании контрреволюционной организации.

**Панфилов Алексей Никитович** 1895 г. р., отсидел 10 лет, с февраля 1944 по сентябрь 1945 служил в армии, воевал на Северном фронте. 11 февраля 1957 года рассказал:

«В камере со мной находился Оттэ Николай Эмильевич, который начал уговаривать, чтобы я подписал протокол допроса, в котором было бы сказано, что я являюсь участником контрреволюционной организации, якобы существующей в гор. Омске. Он мне говорил, что это необходимо сделать. По его словам, этого требовала международная обстановка и мы должны пожертвовать собой... Я сказал, что еще считаю себя нормальным человеком и таких показаний никогда не подпишу...

За отказ подписать протокол допроса меня поместили в подвал здания ОГПУ, в камеру, совершенно лишенную света...»

Затем около часа ночи Панфилова вызвали на допрос и предложили подписать протокол. Он отказался. Тогда вызвали Веришко, и тот сказал, что завербовал Панфилова. Панфилов утверждает, что это ложь, и он не знает Веришко. Тогда Веришко увели, и сотрудники стали запугивать Панфилова расстрелом. Он отказывался. И сдался, когда пустили в ход следующий аргумент: «...Если я не жалею себя, то должен пожалеть сына, ибо меня расстреляют, а сыну не дадут жить, по их словам, он будет валяться под забором, как беспризорник. После этого, желая избавить семью от мучений, я подписал протокол, что завербован Веришко».

**Лысенко Иван Павлович** 1890 г. р. отсидел пять лет в лагерях. 15 февраля 1957 года рассказал, что арестован был 3 мая 1933 года. Сокамерники говорили, что лучше подписать. Тех, кто не подписывает, по их словам, избивают, некоторым ломают ребра. После того как с ним поговорил начальник из Новосибирска и сказал, что независимо от того, подпишет он или нет,

все равно будет «выслан» из Омска, он переписал с черновика, который дал следователь Елькин, протокол допроса.

«Когда мы ехали в лагерь, то в вагоне совместно со мной находился Иванов, имя и отчество его не помню. Он буквально рвал на себе волосы и говорил, что он по национальности еврей. Желая стать русским, он переменял фамилию еврейскую на Иванова. В организации ОГПУ была анкета на белого офицера, однофамильцем которого он стал после перемены фамилии...»

**Булдаков Корнилий Георгиевич** 1886 г. р., отсидел 10 лет, Георгиевский кавалер, жил в Черлаке.

11 января 1957 года рассказал, что арестован был в феврале 1933 года и до 13 марта 1933 года сидел в камере в Черлаке, на допрос не вызывали. В марте их, около 70 человек, перевезли во внутреннюю тюрьму ОГПУ, где он находился около трех месяцев. За 3 месяца его 22 раза вызывали на допрос. В одну ночь иногда вызывали по 2—3 раза.

Кроме принадлежности к контрреволюционной организации, в которую он якобы был завербован Соколовым Георгием Ивановичем, ему вменялось в вину и то, что, будучи в 1919 году председателем ревкома, якобы спрятал брошенное белыми оружие и не вернул его в комиссариат, чтобы использовать в выступлении против Советской власти. На что Булдаков возразил, что он командовал 80 казаками, перешел от белых к красным и никак не мог идти против Советской власти. Сотрудник (фамилию не знает) два раза ударил пистолетом по голове и всячески угрожал.

«После этого был вызван на допрос к другому сотруднику. Он, как и его предшественник, начал требовать от меня признания в участии в контрреволюционной организации. Я продолжал отрицать свою вину, и он тогда нанес мне три удара в низ живота».

12 апреля 1933 года вызвали к следователю Микову, который заявил: «Твоя жизнь или смерть зависят от меня». После этого допроса Булдаков подписал протокол и показал, что завербовал брата Ивана Георгиевича и шурина Войнова Константина Александровича.

«В отношении Соколова я могу показать, что он был павший, спившийся человек, который никак не мог быть руководителем организации и моим вербовщиком, каким его сделали на следствии. Однажды сильно пьяный он сказал, «что я у него буду командиром эскадрона». Я не придавал значения этим словам, так как в Красной Армии действительно был командиром эскадрона»...

**Велижанин Иван Алексеевич** 1898 г. р., с. Черлак, был осужден Тройкой по данному делу к 10 годам ИТЛ. В 1951 году осужден на 10 лет по ст. 58-10, освобожден в 1954 году со снятием судимости.

12 января 1957 года рассказал, что арестован был в феврале 1933 года, протокол от 6 мая 1933 года подписал, будучи морально и физически подавленным. Был сильно истощен, так как давали на сутки 300—400 г хлеба и чашку вареной капусты. Следователь говорил, что не имеет значения, подпишет или нет, все равно будет осужден. После того как подписал протокол допроса, прямо в кабинет следователя принесли тарелку супа и хлеб, махорку и коробку спичек, повезли в баню, а оттуда в городскую тюрьму. За время следствия ни разу не водили в баню, не меняли белье, не стригли. О Соколове: «Это был окончательно спившийся человек, и если даже принять во внимание, что в с. Черлак действительно существовала контрреволюционная организация, то мне непонятно, как ей мог руководить человек, который никогда не был трезв».

«...Так же неверно записано в протоколе допроса и то, что я, будучи сотрудником (секретным) органов ОГПУ, встал на путь предательства, т. е. не сообщал Органам ОГПУ об известных мне контрреволюционных проявлениях в с. Черлак. Наоборот, я добросовестным образом выполнял всю порученную мне работу. И если бы Соколов предложил мне вступить в члены контрреволюционной организации или вообще рассказал о существовании ее в с. Черлак, я бы, конечно, в первую очередь поставил в известность органы ОГПУ».

О том, что такое Гражданская война, когда буквально брат шел на брата, видно из показаний допрошенного 15 января 1957 года в качестве свидетеля жителя с. Черлак **Булдакова Ивана Ивановича**.

«Растрепенин Иван Николаевич какое хозяйство имел, я не знаю, но обычно был пьяный. В 1919 году с приходом к власти колчаковцев ими был пойман председатель Черлакского ревкома Мельников Афанасий Егорович. Когда его вели на площадь, то его старший брат ударил по голове кирпичом, после чего Мельников упал на живот и не смог подняться, так как руки у него были связаны. Тогда кулаки с. Черлак, фамилии их уже не помню, возглавляемые старшим братом Мельникова Афанасия Егоровича, как его звать не помню, дали в руки Растрепенину винтовку и приказали ему, чтобы он заколол Мельникова Афанасия Егоровича. Но Растрепенин не хотел убивать Афанасия Егоровича. Тогда брат последнего сказал ему, что если он не убьет Афанасия, то его убьют самого. После этого Растрепенин, отвернувшись от Мельникова Афанасия Егоровича, размахнувшись, ударил его штыком в спину и бросил винтовку. Очевидцем всего этого я был сам и видел, что инициатором убийства Мельникова Афанасия Егоровича был его старший родной брат».

Высказываний же против Советской власти проходивших по делу черлакцев ему слышать не приходилось».

**Бородихин Степан Сергеевич** 1901 г. р., получил 5 лет ИТЛ, с 1943 года воевал на Украинском фронте, ранен в правую руку и челюсть. 21 января 1957 года в с. Б. Атмас рассказал, что факт падения 9 лошадей в с. Татарка был, но не от вредительства, а от сибирской язвы.

О своей подписи под протоколом допроса 2 мая 1933 года: «Подписать этот протокол я вынужден был в силу того, что, находясь два месяца в подвале здания ОГПУ, получал в сутки 200 граммов хлеба и был истощен до такой степени, что на допрос на второй этаж не мог подняться без посторонней помощи. Также я был морально подавлен. Учитывая все это и желая избавиться себя от дальнейших мучений, и подписал указанный протокол».

**Екимов Георгий Иванович** 1905 г. р., житель с. Соляное 26 января 1957 года показал: «Когда я был вызван к сотруднику ОГПУ Табасову, он мне предъявил обвинение в убийстве Мельникова (следователя не смутило даже то, что Екимову было в 1919 году 14 лет. – П. Б.) и передаче военного билета кулаку Пискунову. Я в этом виновным себя не признал. Тогда Табасов меня из кабинета выгнал в коридор. Простояв в коридоре примерно часа полтора, я был обратно приведен в кабинет к Табасову. Табасов прочитал мне данный протокол и предложил подписать. Я от подписи отказался. Тогда Табасов, угрожая мне стулом и пистолетом, вынудил меня подписать данный протокол допроса».

**Темников Федор Сергеевич** 1893 г. р. житель с. Елизаветинское Черлакского района, получил 10 лет ИТЛ. 24 января 1957 года показал, что арестован был 11 марта 1933 года и на допрос вызывался один раз к следователю Бараусову. Тот требовал признать, что Федор Сергеевич завербован младшим братом Александром. Он отказался, тогда им устроили очную ставку.

«Бараусов задал вопрос, знает ли он его. «Конечно, так как это мой родной брат». – «Что же ты тогда не признаешь, что он тебя завербовал?» На что я Бараусову сказал, что брат никогда ни в какую контрреволюционную организацию не вербовал. За время очной ставки брат Александр стоял и молчал. Бараусов распорядился, чтобы брата увели, а сам, схватив пистолет, ударил им меня по носу так, что у меня открылось обильное кровотечение. Затем он поставил меня на «выстойку» в коридор, где я простоял три часа. После этого меня обратно завели в кабинет Бараусова, который опять угрожал мне пистолетом и предложил подписать уже написанный им заранее протокол допроса. Желая избавиться себя от дальнейших издевательств со стороны Бараусова, я подписал предлагаемый им протокол допроса».

**Дерябин Федор Николаевич**, 1894 г. р., из с. М. Атмас Черлакского района, 10 января 1957 года допрошен в с. Черлак, был приговорен к 10 годам ИТЛ.

На допросе, который вели два следователя, один из которых был Качин, от Дерябина требовали признаться, что он состоит членом контрреволюционной ячейки в с. М. Атмас и завербован Растрепениным Логином Федоровичем. Он отказался. Тогда, продержав сутки в камере без света, «сотрудники (на петлицах ромбы) стали угрожать оружием, и один из них нанес мне четыре удара револьвером по спине. Затем я вторично был направлен в одиночную камеру. За двое суток пребывания меня в одиночной камере обед мне не давался. За сутки 300 граммов хлеба и кружка воды.

Когда я был в третий раз вызван на допрос, были те же сотрудники. Я решился на крайний шаг, вырвал протокол допроса и порвал его. После этого сотрудник ОГПУ, который писал этот протокол, начал избивать меня револьвером, бил он меня по лопаткам и раз очень сильно толкнул дулом револьвера под бок...»

Через двое суток Дерябина снова вызвали на допрос.

«Оба они опять стали требовать, чтобы я подписал протокол допроса. При этом они всячески угрожали мне, говорили, что им не жалко 7 копеек, т. е. цены одного патрона, что они меня расстреляют. При этом даже показали через окно угол двора, где они меня могут расстрелять. Когда проходил этот допрос, я слышал крики и шум падающего тела, которые неслись из дверей кабинета, находящегося напротив кабинета, где находился я. Так как дверь была открыта, то я увидел, что оттуда, т. е. из кабинета, вынесли на носилках человека, лицо которого было залито кровью, челюсть была выбита и сдвинута в сторону так, что были видны зубы, и глаз вылез из орбит.

Видя все это и желая скорее покоя с вызовами на допрос, я подписал протокол, хотя и не был ни в чем виноват». (Арестанта с вывернутой челюстью видел и стоявший в коридоре Растрепенин Егор, который уговорил отца Логина Федоровича подписать протокол допроса. Позднее Егор погиб в Великой Отечественной войне, а отец до 1957 года не дожил. – П. Б.)

Далее Дерябин сказал, что о создании кулацкого колхоза ему ничего неизвестно, о разбазаривании посевного материала и сгноении колхозного хлеба слышит впервые.

**Богомолов Иван Агафонович**, в 1933 году был председателем Покровско-Иртышского с/совета. 16 января 1957 года в частности показал, как появились справки о вредительской деятельности в колхозах «Красный рыбак», «1 августа» и «Новая жизнь»:

«Весной, точного время не помню, приехали из города сотрудники ОГПУ, фамилии их не помню, и потребовали, чтобы мы, т. е. с/совет, дали им справки об убытках, понесенных колхозами с/совета за 1932 год. Мною, секретарем с/совета Роговым, председателями артелей и учителями были сделаны выверки по хозяйственным книгам и выписаны все убытки, которые понесли артели. По-видимому, эти цифры и фигурируют в данных справках. Но насколько они верны и отвечают действительности, я сейчас за давностью времени сказать затрудняюсь. Помню, что в с/хозартели «Новая жизнь» осталось неубранными несколько гектаров гороха и в с/хозартели «1 августа» остались неубранными несколько гектаров подсолнуха. Заголовки во всех справках, где значится, что «нанесли следующий материальный ущерб, явившийся результатом вскрытой вредительской деятельности к.-р. и а/с элемента, имевшегося в личном составе колхоза...» и в заключительной части справки, где указано, что «в результате вредительской деятельности к.-р. и а/с элемента понесено материального ущерба...» – все это является реакцией сотрудников ОГПУ и написано, вернее, внесено в справки по их требованию».

На вопрос, почему не был убран подсолнух, Богомолов ответил: «Был дан план посева подсолнуха на три с/артели 1200 гектар, т. е. в основном был посеян подсолнух, что не вызывалось никакой необходимостью. Вследствие того, что машин не было, значительная часть его осталась не убранной».

**Антипин Иван Васильевич**, 1888 г. р. из д. Изюк 6 декабря 1956 года показал, что подписанный им протокол допроса от 5 апреля 1933 года писал под диктовку следователя Пастаногова.

«Текст данного протокола от начала до конца является вымыслом Пастаногова. Ни в какой контрреволюционной организации я не состоял, и Бормотов Леонтий с Лаптевым Яковом



никогда в нее меня не вербовали. О существовании в дер. Изюк контрреволюционной организации, в которую входили Бормотов Леонтий, Ковригин Филипп, Лаптев Яков, Бормотов Дмитрий, мне ничего неизвестно. О разговорах между мной и Страховым Александром о существовании в д. Ураж контрреволюционной организации мне также ничего неизвестно. Разговоров с Топорищевым Ив. Ив. у меня не было, да и узнал я его, уже находясь во внутренней тюрьме ОГПУ...»

Пастаногов уговаривал не бояться, говорил, что сумеет реабилитировать и освободить. Когда отказался писать, Пастаногов «показал мне протокол допроса Ольшаневского, который, как и я, был секретным сотрудником и выполнял секретные поручения Пастаногова, в котором значилось, что Ольшаневский дал показания, что состоит членом к.-р. организации».

Однако в камере Ольшаневский сказал, что не подписывал протокола, и Антипин понял, что Пастаногов его обманул.

К Антипину, Ольшаневскому добавили в камеру Рыбьякова и Шалаева, тоже секретных сотрудников, и через их камеру пропустили около 70 арестованных из Тевризского района. Они обрабатывали арестованных, чтобы те подписались и признали себя участниками контрреволюционной организации.

Антипин проходил по делу группы «Печатники», возглавляемой Топорищевым Иваном Ивановичем из с. Утьма Тевризского района. Эта контрреволюционная ячейка занималась якобы антисоветской агитацией и изготовлением и расклеиванием листовок.

Даже из сухих протокольных данных чувствуется, Топорищев И. И. был колоритной личностью. До революции – пимокат. Воевал на стороне красных. Активно участвовал в подавлении Ишимского восстания 1921 года, был ротным политруком. Работал инструктором укома ВКП(б), но затем из партии вышел. В хозяйстве имел всего одну лошадь. У него было 9 детей от одного года до 12 лет, но при этом в колхоз он не вступил. На допросе 6 марта 1933 года фигурирует, что он высказывал недовольство тем, что надо сдавать 260 литров молока ему, у кого 10 человек семья и тому, у кого 2 человека, – «это грабировка». Такие высказывания вполне могли быть, но главное, в чем его обвиняли это, – антисоветская агитация и изготовление листовок.

Что это за листовки, видно из показаний, данных 5 декабря 1956 года **Веревкиным Дмитрием Михайловичем**.

Когда он сказал, что не знает об изготовлении и вывешивании листовок Топорищевым И. И. и Петровым А. П. в д. Ураж, уполномоченный СПО-2 Пастаногов показал их ему: «На, смотри, какие они есть». Листовка была изготовлена из слов и букв, вырезанных из газет. И предупредил Веревкина, что если он не даст показаний об антисоветских разговорах, то будет сидеть вместе с ними, а пока арестован как свидетель. Доведенный в тюрьме до истощения, Веревкин подписал все, что от него требовали.

Но: «Находясь в одной камере с Топорищевым И. И., Веревкиным М. Е., Семеновым В. С. и другими, я припоминаю, что они говорили, что их посадили просто ни за что, что им и во сне не снилась какая-то организация, в участии в которой их обвиняют...»

Таким вот предстает дело в показаниях оставшихся в живых свидетелей через 24 года. Заговора не было. Но сроки были реальными. Из 288 человек, осужденных Тройкой ПП ОГПУ, 124 человека получили 10 лет ИТЛ, 146 человек – 5 лет ИТЛ, 7 человек приговорены к 5 годам ИТЛ, но ввиду преклонного возраста сосланы в Восточно-Сибирский край, 8 человек лишены прав проживания в 12 населенных пунктах Уральской обл., Омского, Барабинского и Тарского округов, 11 человек – к 5 годам условно.

10 мая 1957 года Президиум Омского областного суда постановление Тройки отменил и на основании ст. 4 и 5 УК РСФСР дело прекратил. То есть все, кроме Грибановского Д. П. и Растрепенина И. Н., реабилитированы. Растрепенину отказано в реабилитации, очевидно, за убийство председателя Черлакского ревкома Мельникова, Грибановский Дмитрий Петрович якобы служил в карательном отряде Анненкова и участвовал в расстрелах.

## Люди и судьбы

Лейтенант Быстров, пытаясь установить истину, разыскивал не только проходивших по делу арестантов, но и исполнителей, тех, кто вел следствие. К сожалению, показаний следователей в деле нет, хотя некоторые были еще живы. Так, бывший уполномоченный СПО-2 **Пастаногов Константин Константинович** в 1956 году проживал на ст. Яя Кемеровской обл.

После 1933 года Пастаногов был переведен в Новосибирск и в 1939 году занимал должность начальника 4 отдела УНКВД по Новосибирской области. Однако 21 декабря 1939 года был арестован и по ст.193-17 п. «б» приговорен к 8 годам лишения свободы с лишением звания старшего лейтенанта госбезопасности.

Дело состояло из 6 томов, из которых в лице Пастаногова предстает вольно или невольно облик врага, затесавшегося в ряды органов, с целью преследовать коммунистов и невинных людей.

«Установлено, что Пастаногов был в близких отношениях с бывшим руководством УНКВД по Новосибирской области Горбач, Поповым и Мальцевым, которые впоследствии были разоблачены как враги народа и осуждены. Из всех начальников отделов Пастаногов являлся самым близким к ним, участвовал с ними в банкетах, в отсутствие начальства замещал их...

Социальное лицо Пастаногова характеризуется следующим образом.

Отец Пастаногова в 1924 году за растрату кооперативных средств осужден к 3 годам лишения свободы; сестра Пастаногова В. К. в 1938 году за растрату денег в сберкассе осуждена по закону от 7 августа 1932 года к 10 годам лишения свободы; дядя его по отцу Пастаногов М. К., бывший урядник, кулак, в 1930 году раскулачен и выслан в Нарым, второй дядя Пастаногов Н. М., также бывший урядник, в 1930 году за контрреволюционную деятельность арестован органами ОГПУ и расстрелян; двоюродный брат Пастаногов Н. М. в 1924 году уходил за границу в Китай к своему дяде, имевшему частную плантацию около города Пекина, оттуда вернулся в 1930 году нелегально и был выслан в Нарым. В Нарыме в окрздравотделе произвел растрату денег и скрылся.<...>

Материалами предварительного и судебного следствия вскрыта система незаконных методов ведения следствия: путем применения физических и психических мер воздействия, добываясь как от арестованных (на суде Пастаногова было 43 свидетеля из числа коммунистов. – П. Б.), так и от других лиц, которых необходимо было опорочить, нужных сведений. Протоколы допросов либо составлялись заранее (до допроса), либо «корректировались» Пастаноговым и другими лицами, после чего от показаний арестованных ничего не оставалось, и в таком виде эти протоколы давались на подпись арестованным.

По обвинительному заключению и по приговору Военного трибунала Пастаногову вменено в вину фальсификация следственных дел на группу студентов «Сибстрина» – 6 человек, группу работников Кинотреста г. Новосибирска – 8 человек, группу работников прокуратуры области и районов – 14 человек и ряд лиц партийного и советского актива на 35 человек, в отношении которых к моменту привлечения Пастаногова к уголовной ответственности уголовные дела были прекращены, арестованные освобождены из-под стражи, за исключением областного прокурора Баркова, который, не выдержав издевательств над ним во время следствия, покончил жизнь самоубийством (выбросился в окно с четвертого этажа).

Обвиняемый Пастаногов на предварительном и судебном следствии виновным себя признал частично, подтвердив большинство преступных фактов, ему инкриминируемых, при этом ссылаясь, что выполнял в своей работе установки начальства».

Школа создания заговоров пригодилась и еще одному участнику тех событий **Витковскому Г. Я.** В «Справке по делу архивный № 14929 с материалами административного расследования на бывшего начальника отделения 4 отдела УНКВД по Омской области Витковского Георгия Яковлевича» говорится, что в июне 1939 года поступила жалоба Нагибина, что Витковский жестоко избивал его, оскорблял и заставлял давать показания о том, что он,

Нагибин, вместе с председателем Березовского райисполкома Всиветкиным организовал повстанческие отряды. Такой допрос продолжался до утра. Витковский грозил Нагибину сделать из него «котлету». Вина Витковского была признана недоказанной. В мае 1939 г. была жалоба от Я. И. Кошелева. Витковский избивал его, сажал в холодный карцер за отказ давать нужные Витковскому показания. Расследование по данному факту не проводилось.

В 1951 году Витковский был откомандирован в распоряжение УМГБ по Челябинской области.

Из сотен арестантов, проходивших по делу, бросается в глаза судьба **Буркова Михаила Петровича**. В его протоколах допроса многое похоже на правду, хотя многое могло быть сочинено под него, так как допрос в Омске вел хорошо знакомый нам Уполномоченный СПО-2 Пастаногов. Однако начинались допросы еще в Тевризе, где 14 декабря 1932 года его допрашивал уполномоченный РО ПП ОГПУ Бендингер. Из этого протокола узнаем, что Бурков из дворян, сын генерал-майора, который при советской власти работал в Москве в ВСНХ. В 1929 году за антисоветскую агитацию (в протоколе допроса от 5.01.1933 говорится, что за антисоветские речи на площади Храма Христа Спасителя) Бурков был выслан в административном порядке по постановлению коллегии ОГПУ в Западную Сибирь, где проживал в с. Бичили Тевризского района. Ему вменялось в вину создание контрреволюционной организации и антисоветские разговоры с местными крестьянами.

В протоколе допроса от 8 января 1933 года он говорит: «Я сторонник в вопросах философии так называемого дуализма, т. е. признаю революционность духа и материи, которые, по-моему, занимают одинаковое место в природе, не превалируя друг над другом. Из всех философов я ценю больше всех Э. Канта, считая, что он правильно объясняет жизнь»...

«Кроме Медведева, Шабанова, Коптелова, говорил о контрреволюционной организации с крестьянином д. Бичили Серковским, Кулаковым (имя, отчество не знаю), сотрудником маслопрома в Тевризе. Этому я не ставил прямо вопроса о контрреволюционной организации, а высказывался лишь в том духе, что я нахожусь в таком положении, что меня должны или уничтожить, или поставить в нормальные условия. Также мог слышать мой разговор с Коптеловым о контрреволюционной организации крестьянин д. Кузнецово Загвоздин Степан Осипович, который при моем разговоре находился в соседней комнате за перегородкой».

В последнем из шести январских допросов 31 января 1933 года он якобы показал, что на данном этапе расходится с политикой партии и соввласти по следующим основным моментам: 1) по крестьянскому вопросу; 2) по вопросу индустриализации; 3) в законодательной политике; 4) по вопросам науки и творчества. Он считает, что темпы коллективизации надо сократить минимум на 60 %, так как «культурно-моральный уровень крестьянства слишком низок для ведения сельского хозяйства такой наивысшей формы, какой являются колхозы...

Ликвидация кулачества проведена крайне безобразно, нет слов для того, чтобы выразить творившиеся в то время безобразия. В числе кулаков выселено 50–75 % хозяйств, явно не кулацких, выселенных брали в том, в чем они находились в момент выселения, голодных, вместе с маленькими детьми, зимой везли в необжитые дикие местности, не обеспечивая их необходимым с/х инвентарем для ведения хозяйства на месте ссылки <...>

Задавая вопрос отдельным крестьянам о том, «пошли бы они против советской власти?» – я хотел знать, как реагирует крестьянин на резкий перелом в укладе его жизни в настоящий момент, а также определить изменение его психологии за период времени с 1926–1927 гг. по 1932 год, как момент наиболее резкого перелома всего уклада его жизни»...

Через три месяца его все-таки вынудили сделать, хоть и обтекаемое, но все-таки нужное следствию признание: «Я признаю себя виновным в последствиях, которые получились в результате моих бесед с Медведевым Афанасием, в том смысле, что им завербованы лица в контрреволюционную организацию. Этих лиц, как и самой организации, я до моего ареста не знал. Все ранее данные показания на следствии в Оперсекторе ОГПУ, как мной, так и остальными обвиняемыми, т. е. Шабановым Михаилом, Коптеловым Николаем и Медведевым Афанасием, подтверждаю полностью.

Протокол написан мной собственноручно – Бурков.

Об окончании следствия по моему делу мне объявлено 12.04.33 г. К сему Бурков».

Во время следствия Бурков вел активную переписку с матерью. Одно из писем хранится в деле: «Дорогая Муся, получил от тебя одновременно два письма от 4 и 5 августа. До этого очень долго ничего не получал. Ты пишешь, что мое дело решится через две недели – не дождусь этого момента. У меня одна мечта, вырваться из проклятого Омска. Далее, имей ввиду, что нигде и никогда я не участвовал в контрреволюционной организации. Ни на одном допросе я этого не признал, провел около сорока суток голодовок в знак протеста. Об этом знают арестованные Тевризские крестьяне, сидевшие со мной, а также сотни омичей. Если нужно, требуй переследствий, но только с условием, чтобы не сидеть в Омске, ибо я этому предпочитаю смерть.

От т. Жени посылки опять получил, а добиться чего-либо здесь не представляется возможным. Омск не Москва, здесь делается все наизусть, у него свои законы. На прощание крепко целую тебя, отца и Володю. Миша.

Интересно знать, выдали ли отцу премию в 3000 р. Ни о каком Буракове не имею понятия. Далее, имей ввиду, что Омский сектор ОГПУ вел дело более или менее прилично, а все дело сделано в Тевризе. Покуда я жив, в такой чепухе никогда не признаю себя виновным».

В деле хранится заявление в ОГПУ Бурковой М. М.: «6-го июня 1929 г. мой сын Бурков Михаил Петрович физико-математик был арестован органами ОГПУ, а затем выслан в Западную Сибирь на свободное поселение сроком на три года.

Осенью 1932 года состоялось постановление об его освобождении с правом проживания во всех городах Союза, за исключением Москвы и Ленинграда. После получения документов об освобождении он был вновь арестован и направлен 7 декабря 1932 года в г. Омск. Из прокуратуры ОГПУ мне стало известно, что против моего сына возбуждено новое дело.

23 апреля 1933 года я получила от моего сына письмо с сообщением об окончании следствия по его делу.

28 июня с. г. представителем Прокуратуры мне было сообщено, что дело моего сына перепутано с делом какого-то Михаила Петровича Буракова, находившегося в то же время в Западной Сибири.

Из письма моего сына мне стало известно, что мой сын обвиняется в соучастии в какой-то антиправительственной организации, и что ему будто бы давно известно предъявленное обвинение.

Из сопоставления вышеизложенных данных, полученных мною из Прокуратуры ОГПУ и от моего сына, есть основания полагать, что в данном случае имеет место недоразумение, основанное на смешении имен Буркова и Буракова.

Затем в прокуратуре ОГПУ мне сообщили, что 5 августа мой сын осужден в исправительный лагерь на 10 лет.

Не зная приговора, я, конечно, лишена возможности судить о степени его основательности, но, зная сына и учитывая условия его жизни в период ссылки с 29 по 1933 г., не смогу допустить мысли о его причастности к какому-либо серьезному делу и обвинению. Из полученных мной от сына писем в июле и августе мне видно, что он не знает, в чем конкретно его обвиняют, и что в деле имеются какие-то искусственные наслоения. В особенности странным и непонятным до невозможности мне представляется полученные мною из Прокуратуры ОГПУ сведения о том, что сын мой признался в предъявленном ему обвинении. Если действительно в материалах дела имеется протокол его допроса с записанным его признанием, то надо полагать, что его надо отнести к тем искусственным наслоениям в деле, в которых надо разобраться.

Нельзя допустить, чтобы ссыльный, никогда не принадлежавший к какой-либо партии, неизменно аполитичный, мог принять участие в местном заговоре, в условиях ссылки, без связи и знакомств, вдали от населенных пунктов и железных дорог. Эта мысль должна быть совершенно исключена, если принять во внимание, что осенью 1932 года по отбытии срока ссылки, мой сын был освобожден с запрещением проживать только в Москве и Ленинграде. Следовательно, по признанию местных властей, он признан политически вполне благонадежным и только в течение

2-х месяцев сделался заговорщиком. Искусственность такого обвинения, с моей точки зрения, не подлежит никакому сомнению и совершенно не представляю себе, на чем конкретно может основываться версия о его признании.

Я прошу пересмотреть дело моего сына, Михаила Петровича Буркова, и в особенности, проверить материал следствия, имеющий отношение к признанию им своей вины в причастности к делу. М. Буркова».

Очевидно, что пересматривать никто ничего не стал. А на письме стоит пометка: «24.VIII.-33 выбыл на этап в лагерь». Дальнейшая судьба Михаила Буркова неизвестна.

А вот судьба **Плужникова Андрея Васильевича** 1889 г. р. прослеживается по документам до трагического финала.

Плужникова завербовал якобы Рутковский А. И., который подписал протокол допроса от 12 мая 1933 года. В нем о Плужникове даны такие показания: «Б.б. офицер в чине подпоручика (нестроевой) по хозяйственной части. Последнее время работал в системе АКОРТ и заведующим ЗР Горсовета (по протоколу допроса Плужникова – замдиректора хозкомбината Омгорсовета и управляющий ЗРК № 1 Омгорсовета. – П. Б.). Несмотря на приличное материальное положение по сравнению со многими даже специалистами, благодаря своей службе в таких учреждениях, он всегда плакался за «судьбу русского народа», который доведен до отчаяния, могущего разродиться голодными бунтами и другими неприятностями для Соввласти. В качестве выхода из положения рекомендовал терпение с надеждой на стихийное, без его участия, перерождение политического строя в стране. Однако на вхождение в к.-р. организацию (март 1932 г.) согласие дал, заявив, что будет полезным ее членом, т. к. стоит около руководящей советской верхушки».

Надо отдать Плужникову должное: он один из немногих не признал своей вины. В протоколе допроса от 12 мая 1933 г. записано: «В к.-р. белогвардейско-казацкой повстанческой организации я не состоял и от дачи исчерпывающих показаний по существу отказываюсь. Записано верно, мною прочитано. Об окончании следствия мне объявлено».

Он был приговорен Тройкой к 10 годам ИТЛ. Но в 1937 году уже в лагере был осужден Тройкой УНКВД и приговорен к высшей мере наказания. 30 сентября 1937 года Плужников был расстрелян. 16 февраля 1963 года реабилитирован Амурским облсудом.

В 1964 году жена Плужникова обращается с заявлением о возмещении стоимости изъятого при аресте мужа имущества. А изъято было немало: только различных тканей 105 метров (!), дорогая посуда и другие предметы, которые для 1933 года были, безусловно, роскошью. Комиссия Омского облфинотдела вынесла решение о выплате жене Плужникова 316 руб. 87 коп.

Пересмотр дела о белогвардейско-казацком заговоре стал возможен благодаря людям, которые не смирились с несправедливостью и писали заявления и жалобы с требованием пересмотра дела и реабилитации, необходимость которых объяснялась часто обычными житейскими причинами. Приведем несколько таких документов.

«Генеральному прокурору Союза ССР от Каравянского Николая Сидоровича, проживающего село Богучаны, Промпоселок Богучанского района, Красноярского края.

### **Жалоба**

Родился я 1906 года в д. Кип Тевризского р-на Омской области в семье крестьянина-середняка. При коллективизации вся наша семья добровольно вступила в колхоз, куда и передали основное свое хозяйство.

Я и все мои близкие родственники живем и работаем только честно и добросовестно. Никто из нас и ничего компрометирующего не имел и в прошлом.

Все мои братья члены КПСС, один из них работает председателем укрупненного колхоза по месту моего рождения. Несмотря ни на что, в 1933 году Омское МГБ арестовало меня и после двух допросов постановлением Особого совещания работников Новосибирского управления по ст.ст. 58-2, 58-11 я был приговорен к 10 годам лишения свободы с последующей ссылкой и ограничением меня в паспортном режиме. Этих незаконных мер ко мне я, конечно, не ожидал и не заслуживал.

Первое время я, находясь в местах заключения, и все мои родственники добросовестно ждали, что соответствующие органы примут надлежащие меры и освободят меня от этого наказания. Не дождавшись таких мер, я из мест заключения неоднократно пытался жаловаться, но мои жалобы, оказывается, как я потом узнал, задерживались работниками мест заключения и никуда не отправлялись по назначению.

Так я ни за что и отбывал наказание с 1933 по 1943 год, в том числе:

1. С 1933 по 1940 год в Тында-Бамлаге Читинской области,
2. С 1940 по 1943 год в гор. Биробиджане Хабаровского края на лесозаготовках и лесосплаве.

Кроме отбытия всего этого наказания меня как наемного по работе еще задержали при лагере на 6 лет.

Несмотря ни на что, я и в этих местах вел себя только честно и добросовестно, получал премии, награды, значки ударников и т.п.

С 1949 года я нахожусь на поселении с ограничением паспортного режима в пределах Богучанского района.

По возвращении из лагеря и при оформлении меня на поселение я только и узнал, что дело на меня в 1933 году было создано по личной злобе односельчан Звягина Александра Павловича и Гоголева Василия Даниловича и по обвинительному указу работников Омского МГБ, по которому так подошло и Особое совещание работников МГБ Новосибирска, обвиняя меня в том, что я якобы был из зажиточных – кулак, получил задание от моего односельчанина Попкова Василия найти трех человек для закупки оружия какой-то антисоветской организации, что я в 1932 году пропил семена колхоза и т.д. и т. п. И что во всем этом я признался.

Тогда как, повторяю, что ничего этого и подобного даже я не знал, совесть моя чиста, и что во всем этом я подло оклеветан. Будучи лишенным тогда всяких прав на защиту, безграмотный, не имел возможности прочитать сам протоколы допроса, я под подлым обманом следователя Омского МГБ Тихонова, сам на себя подписывал ложь и ни за что обвинил себя этим, а от меня все это было скрыто тогда.

Что касается длительной злобы на меня со стороны Звягина и Гоголева, то она выражалась в том, что Звягин усыновил моего ребенка, незаконно требовал от меня корову, а я отдал ее в свой колхоз. В 1932 году Звягин и Гоголев вступили со мной в драку, после чего я находился (и не мог, следовательно, пропить тогда семена) в КПЗ с 14.04 по 4.07.32 и потом освобожден нарсудом Тевризского района.

И в последующем, освободившись уже из мест заключения и находясь в Богучанском районе, при оформлении которого мое дело, вероятно, проверялось, также я и мои родственники с нетерпением ожидали, что на свободе меня оправдают по прошлому делу 1933 г. и освободят от поселения 1949 г.

С этой же добросовестной целью и намерением я писал жалобу и в 1954 г., на имя Генерального прокурора СССР, которая была потом передана прокуратуре РСФСР и ею 3.ХII-54 г. за № 9/4533-54 оставлена без удовлетворения по мотивам якобы за отсутствием оснований для применения протеста.

Так что, конечно, и ответа такого я и мои родные никогда не ожидали и не заслуживаем. Я просто не представляю себе, как мог последовать такой ответ мне. Или мое дело совершенно не проверялось по действительным обстоятельствам касающегося меня дела или ответ дан по той же наглой клевете, по которой в 1933 г. и было ни за что создано на меня дело, или тут что другое.

Все же и в этих случаях я, несмотря ни на что и независимо ни от чего добросовестно уверен и не сомневаюсь, что мое дело должно и будет пересмотрено только объективно. Поэтому с самым честным намерением и уважением особо убедительно прошу Вас, невыразимо никакими словами как прошу, принять соответствующие меры по моей жалобе к Вам с тем, чтобы я все же мог, наконец, законно вернуться домой к родным и с невыразимой радостью продолжать общую жизнь и работу, так же во всех добросовестных отношениях.

За всю ложь на меня по делу так же прошу принять соответствующие меры к виновным лицам. 23.XII-55 г.»

«Омскому областному прокурору от гр-ки Блохиной Евгении Николаевны, проживающей в г. Омске по Октябрьской ул., д. 8.

Мой муж, Блохин Вячеслав Иванович 1886 года рождения был осужден органами НКВД в 1933 году на 10 лет. Срок наказания отбывал в Бамлаге НКВД. 19 октября с. г. из Центрального ЗАГСа г. Омска я получила свидетельство о смерти его. Умер в 1939 году 22 сентября в местах заключения НКВД. В течение 20 лет я и мои дети переносили много унижений и притеснений. Прошу вас разобрать дело моего мужа, если он не виновен, реабилитировать его и его семью. Арестован в г. Омске. 10 ноября 1956 г.»

«Областному прокурору г.Омска от гражданки Анненковой Клавдии Гавриловны, проживающей г. Омск, Сталинский р-н, ул. Октябрьская. д. 32

Заявление.

Мой муж, Анненков Александр Петрович, рождения 1895 г., место рождения г. Омск, взят органами НКВД 4 мая 1933 года. В 1956 году НКВД мне сообщило, что мой муж Анненков А. П. умер в 1941 году 23 сентября. Прошу моего мужа либетировать (так в заявлении. – П. Б.), сообщить мне». На заявлении помета: «Поступило 10/1-57г.».

Из заявления министру внутренних дел генерал-полковнику Круглову от **Кошелева Никандра Васильевича**:

«...Факт моего преступления не мог быть, потому что участником организации я не был. После неоднократных вызовов на допрос к следователю ОГПУ я по малодушию поддался его уговорам и дал ложное показание, что был завербован человеком, с которым даже мало знаком (Сухомлинов), и в свою очередь завербовал другого человека (Циглинского). Ни с одним из них я не мог вести таких разговоров, как вербовка. Мне никогда не приходила даже мысль, а не только участие в какой бы то ни было организации против Советской власти.

За свое малодушие, вызванное угнетающей обстановкой во время следствия, я уже наказан и вместо 10 лет, в силу войны с Германией отбыл наказание 11 лет 4 месяца.

Дожив до старости, мне 62 года, я остался с пятном судимости и не могу иметь обеспеченную старость и несмотря на то, что всю жизнь работал...

На пенсию я не имею права, потому что трудовой стаж до заключения ввиду перерыва 11 лет 4 месяца пропадает и во время заключения не считается...1955, 31 июля».

Приведем еще несколько документов дела без комментариев.

«Серия «К». Начальнику ОО ПП ОГПУ ЗСК и СибВО гор. Новосибирска.

По ликвидированной нами к.-р. белогвардейской повстанческой организации был арестован и привлечен к ответственности наш спецосведомитель «Райский» – Лукин Сергей Федорович, который коллегией ОГПУ от 5 августа 1933 г. осужден на 10 лет ИТЛ – г. Кемь. За время нахождения «Райского» у нас под стражей таковой использовался и используется внутрикамерным обслуживанием. За время его нахождения в течение 6 месяцев исключительно проявил в нашей работе инициативу и благодаря его умелого подхода было вскрыто дело «Японофилы», по которому основной фигурант, перебежчик из Китая сознался, что он перешел границу с разведывательными целями. Кроме того, в данный момент «Райский» нами используется по камерному обслуживанию изобличающегося в шпионаже чеха Вольф.

Исходя из вышеизложенного, со своей стороны считаем и просим Вас о том, чтобы «Райскому» дать возможность отбывать наказание при пересыльном пункте Сиблага на ст. Куломзино и использовать в дальнейшем на нашей работе.

Нач. Омоперсектора ОГПУ Тимофеев

Нач. ОО Шамарин».

«Литер «А», августа 3 3380/959 УСО ПП ОГПУ ЗСК – гор. Новосибирск

Сообщаем, что 27/VIII-33 в 19 часов начальнику спецконвоя тов. Магомет сданы для направления в СЛАГОГПУ гор. Кемь нижеследующие осужденные:

1) Астафьев Константин Степанович,

2) Акулов Андрей Иванович,  
3) Бородихин Николай Васильевич,  
4) Екимов Иван Ильич,  
5) Захаров Александр Федорович,  
6) Медведев Афанасий Николаевич,  
7) Лимонов Владимир Афанасьевич,  
8) Петлин Николай Павлович,  
9) Перов А. П.,  
10) Савельев Петр Иванович,  
11) Соколов Георгий Иванович,  
12) Соколовский Андрей Васильевич,  
13) Темников Александр Сергеевич,  
14) Ткач Иван Григорьевич,  
15) Фирулев Никандр Степанович,  
16) Чемахин Петр Иванович,  
17) Щербаков Петр Иванович,  
Пом. нач. оперсектора ОГПУ Волохов  
Оперуполномоченный УСО Пономарев»

«Начальнику Омского отд. ОГПУ  
З/к Платоненко Митрофана Ивановича  
Заявление

Во время ареста меня Черлакским РО ОГПУ 1933 г. 3 апреля у меня изъяты деньги и другие предметы, поименованные в прилагаемой копии протокола обыска и, кроме поименованного, взяты велосипед и охотничье ружье. Из письменных сообщений из дома видно, что часть денег, облигации займа семье возвращены, остальные предметы, также велосипед и ружье не возвращают, и объявляют, что возвращено не будет до моего возвращения. Прошу вашего содействия о возврате изъятого семье. Причем сообщаю, что с 1917 и по день ареста я работал на государственной службе в ведомстве связи и принадлежности все приобретенные на трудовые отчисления. Нетрудоспособная семья находится в плохом материальном положении. Прошу в просьбе не отказать».

«РУП ПП ОГПУ по Черлакскому району с. Черлак ЗСК

Препровождаются при этом доверенность на имя жены Платоненко М. И. и копия протокола обыска для немедленного возвращения Платоненко Марии Ивановне все перечисленное в протоколе обыска, возвратите ей также изъятые вами при аресте Платоненко велосипед и охотничье ружье.

Дату исполнения сообщите в Сектор.

Пом. нач. о/с ОГПУ Волохов

О/уполномоченный УСО Леонов».

«В Омский Опер сектор ОГПУ г. Омска

Копия: Прокурору при ОГПУ

На № 13/В –4286 от 16/У-34

Сообщите гр. Михеевой М. И., проживающей гор. Омск, Республиканская ул., д. 46, что ее муж Михеев Иван Васильевич осужден коллегией ОГПУ от 29/Х-33 в ИТЛ сроком на 10 лет и содержится в Сиблаге ОГПУ г. Мариинск.

Нач. УСО Генкин

Нач. 6 отделения Ланцевичский».

30 апреля 1934 Лит. «А»

Омский сектор ОГПУ г. Омска



Просьба объявить граж. Решиковой Александре Гавриловне, проживающей г. Омск, Сиротинская, № 119, что ее ходатайство о применении ее мужу Решикову Михаилу Михайловичу – отклонено.

Нач. УСО Сивялов

П/уполномоченный Новоселов».

### **Вместо послесловия**

Для чего же нужно было городить этот заговор и кто его инициаторы, можно только догадываться. Скорее, это было выполнение «установки начальства», видимо, московского: уж больно широк размах заговора. Кроме Омска, в Новосибирске, откуда как бы тянулись нити заговора, по делу бывшего колчаковского генерала Болдырева и полковника Бутенко осуждено 285 человек. Создается впечатление, что подчищали остатки бывших белых офицеров, на фоне реального ухудшения отношений с милитаристской Японией. Это в какой-то мере подтверждается сведениями из заявления следователю Ивлеву Ясенева-Круковского, который обвинялся, «кроме участия в к.-р. повстанческой организации, в создании диверсионной к.-р. ячейки в Управлении Омской железной дороги с целью подготовки диверсионных актов на транспорте к моменту восстания».

Человек он был, судя по всему, не без юмора.

### **«Заявление**

Настоящим заявляю, что ответить на предложенные Вами вопросы самостоятельно: 1) об обстоятельствах знакомства с Крузе, 2) о деятельности Крузе в к-р ячейке – для меня затруднительно, так как с Крузе я знаком не был.

Фамилии членов ячейки в Оперсекторе мною в показаниях были указаны по списку, предъявленному мне следователем Болотовым, и само показание было дано не потому, что оно соответствует действительности, а потому, что так нужно по политическому моменту и что это нужно, чтобы оказать помощь Советской власти. Так я понял следователя Болотова по вышесказанному и его угрозу о необходимости полного и окончательного разоружения перед Советской властью.

Будучи арестован на своей квартире в ночь с 4 на 5 мая и приведен в арестантский дом Оперсектора ГПУ я перед допросом был подвергнут обработке в камере № 15 – спрашивали там таким образом: мне сказали, что я не должен ничему удивляться на допросе, что мне предъявят то обвинение, которое было в действительности предъявлено, что я должен стать на путь искреннего раскаивания, что в затруднительных случаях мне поможет сам следователь и что все они находятся в таком положении, как я. Наконец, что политический момент, необходимость помочь Соввласти и построения безклассового общества требует изоляции бывшего офицерства в лагерь особого назначения.

Настроение камеры (я находился больше 10 дней), то поднималось, то резко опускалось. Но после посещения камеры П. П. Чистовым, настроение камеры опять поднялось, так как П. П. Чистов, обратившись к находившимся с вопросом – как мы живем и нет ли жалоб, сказал в камере слово, в котором отчетливо подчеркнул мысль о необходимости с нашей стороны полностью разоружиться перед Соввластью и сказал, что сколько бы лет концлагеря нам бы не дали по делу – они сведутся к 2 с половиной, к 3 годам, так как это будет уже третий год второй пятилетки, когда будет бесклассовое общество, предусматривающее реорганизацию мест заключения и изоляции.

Давно полностью разоружившись перед Советской властью и 13 лет непрерывно работая в Советских учреждениях и организациях, я готов вновь разоружиться, если на это есть какие-нибудь установки и выполнить любые требования, которые могут быть мне предъявлены советской властью.

16/V-33. Арестованный С. Н. Яснев-Круковский».

Однако обещанные Чистовым 2–3 года для большинства рядовых участников заговора обернулись 5–10 годами ИТЛ, а руководители Омского Центра и руководители ячеек осуждены

на 10 лет, и в свете надвигающихся событий внутри страны можно предположить, вряд ли большинство из них вышло на свободу.

2000